

ДИАКОН АНДРЕЙ ЮРЧЕНКО

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ОДНОГО ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ
СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ,
ПРЕЖДЕ ИЗВЕСТНОГО КАК «НАПИСАНИЕ О ПРАВОЙ ВЕРЕ»
СВЯТОГО КОНСТАНТИНА–КИРИЛЛА,
ПРОСВЕТИТЕЛЯ СЛАВЯН

Немногим менее двухсот лет тому назад, лишь только в конце первой четверти XIX века состоялось научное открытие одного из древнейших памятников славянской письменности, ставшего известным под названием, содержащим весьма интригующую атрибуцию: «**Написание о правѣи вѣрѣ. изоуцненое константиномъ блаженнымъ философомъ. оучителемъ о вѣѣ словѣнскомоу ꙗзыкоу**».

В 1824 году выдающимся русским славистом К. Ф. Калайдовичем в книге «Иоанн, ектарх Болгарский»¹ впервые были опубликованы краткие фрагменты памятника. Однако же фиксированное появление его на Руси восходит к более раннему времени...

В истории отечественной и мировой культуры одно из выдающихся мест по праву принадлежит Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Никону (1652–1666). «Примерная ревность его, – гласит похвала В. М. Ундольского, – ознаменована беспримерным памятником: всеми греческими и большею частью славянских рукописей Патриаршего книгохранилища».² Среди последних, радением собственно патриарха Никона из многих стран собранных, в течение следовавших затем почти двух столетий обретался и один из древнейших *бумажных* среди известных в Европе ко времени его научного открытия манускриптов – среднеболгарский сборник 1348 года (ГПБ. – Ф. I. 376. – 214 лл.), «книга душеполезная», «труд же и болезнь многогрешного [и] смиренного священноинока Лаврентия», или переписавшего, или же составившего его при болгарском царе Иване Александре (1331–1371) (л. 214).³

Согласно реконструкции известного болгарского слависта К. М. Куева, некоторое время после возникновения сборник находился в царской библиотеке в Тырнове, затем – в связи с опасностью османского вторжения в страну – он вместе с другими драгоценными книгами был перенесен за Дунай, в валахо–молдавские пределы, а позднее – уже в первой четверти XVII века – оказался на Афоне. Здесь, как это видно из приписки на внутренней стороне его обложки, сборник принадлежал скиту святителя Иоанна Милостивого при царской обители святого Павла.

«Для Валахии и Молдавии, – замечает исследователь, обстоятельно изучивший проблему, – монастырь святого Павла одно время был тем же, что Зографский монастырь – для болгар, Хиландарский – для сербов, а Пантелеимоновский – для русских».⁴

Нахождение сборника в скиту может быть объяснено наличием в нём славянского текста жития святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (616–620; память 12 ноября по старому стилю). Отсюда, по-видимому, он вскоре был перенесен в Москву, как предполагается, ревностным троицким старцем Арсением Сухановым в последнее его путешествие на вожделенный христианский Восток (1654–1655) с целью собирания как можно более древних греческих и славянских манускриптов, столь необходимых в то время пытливому Патриарху Никону в аспекте намечавшегося им книжного исправления.

Как свидетельствует вторая приписка на л. 214 рукописи, сделанная, по Киеву, именно собирателем, она, по всей вероятности, побывав в руках самого властного первосвятителя, «[лета] 163–го [была] взята из кельи государя патриарха» (то есть в 1655 году по Рождестве Христове: $7163 - 5508 = 1655$)⁵ и, видимо, передана затем в Патриаршую библиотеку, которая позже стала называться Синодальной. Здесь, по замечанию Е. В. Барсова, сборник находился вплоть до 1847 года, когда он наконец был востребован в Одессу учёным архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисовым).⁶ Это, по Киеву, «видно из одной рукописной заметки в «Указателе для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки» архимандрита Саввы (экземпляр ГИМ)».⁷ Однако вскоре след сборника на некоторое время теряется, хотя на запрос О. М. Бодянского⁸ архиепископ Иннокентий в конце 1854 года ответил, что он возвратил его – таки в Москву.⁹ Но спустя некоторое время манускрипт объявился вновь. В 1868 году – в составе части рукописного собрания И. П. Сахарова – он был приобретен Публичной библиотекой Санкт–Петербурга (Ленинграда – Санкт–Петербурга), в Отделе рукописей которой он и хранится вплоть до настоящего времени.¹⁰

Наряду, в частности, со сказанием Черноризца Храбра «О письменах» и непосредственно предшествуя ему, в сборник попа Лаврентия и входит, как уже прежде было сказано, один из древнейших памятников славянской письменности, лишь спустя почти два века пребывания манускрипта на Руси обретший наконец научную известность как «**Написание о правѣи вѣрѣ. изоуцѣное костантиномъ блаженымъ философомъ. оучителемъ о вѣѣ словѣнскомоу жъзъкоу**» (ГПБ. – Ф. I. 376. – Л. 93б–101б).

Атрибутируемый авторству самого святого Константина–Кирилла, просветителя славян, памятник привлёк самое пристальное внимание исследователей – славистов и богословов, литературоведов и церковных историков. И в то же время он возбудил продолжавшиеся более полутора веков широкие споры среди учёных по вопросу о его подлинности, долгое время оставаясь загадкой.

Вполне возможно, что именно «Написание» значится в «Оглавлении книг, кто их сложил», составленном до 1691 года учёным и многотрудным иноком Сильвестром Медведевым, согласно В. М. Ундольскому, «отцом славяно–русской библиографии»,¹¹ под номером 128 (нумерация издания В. М. Ундольского, в оригинале – № 137).¹² Автором исповедания веры, начинающегося, как и «Написание», словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», здесь называется также Константин Философ. Однако ему же приписываются «Евангелие на 50 недель» и «Молитва по алфавиту». Но последние, однако, в действительности принадлежат Константину, епископу Болгарскому (Преславскому). Последнего Сильвестр называет «епископом Константином», «учеником Мефодия Моравского», относит его деятельность к началу X века, ко времени царя Симеона (№ 23), или просто Константином (№ 69). Но он никогда не говорит о Константине Философе как об ученике святого Мефодия, что делает, в частности, В. М. Ундольский.¹³ Философом, однако, древний библиограф называет и святого Кирилла (№ 119).

Применительно к нашему случаю отметим и несколько иной подход к интерпретации указанного места в «Оглавлении книг». П. И. Шафарик, например, справедливо констатирует, что иногда сочинения епископа Константина Преславского (в частности, Азбучная молитва) встречаются «с неправильной надписью, будто творение Константина Философа». Это, в частности, мы видим и у горемычного Сильвестра, которого чешский славист, конечно же, несомненно принимает во внимание. Однако он вдруг считает возможным и «Написание о правой вере» – вопреки имеющемуся в тексте памятника самосвидетельству – атрибутировать «этому же епископу Константину».¹⁴

Но, как говорится, нет худа без добра! И подобная атрибуция со всей очевидностью показывает, что кроме сего «Написания» иного исповедания веры, которое приписывалось бы Константину Философу или Константину епископу, в распоряжении наших исследователей не имелось. И это тем более подтверждает выдвинутый ранее тезис: в «Оглавлении книг, кто их сложил» отражён именно анализируемый памятник.

Как уже говорилось, впервые краткие фрагменты «Написания» были опубликованы в 1824 году К. Ф. Калайдовичем.¹⁵ В 1841 же году появился

анонимный перевод памятника на русский язык,¹⁶ осуществлённый по единственно известному тогда списку, правда – с купюрами. Этот перевод, весьма некорректный, воспроизводился и позднее.¹⁷ Первая же публикация древнеславянского текста «Написания» в полном его объёме из сборника 1348 года появилась уже несколько позднее. Она относится к 1867 году и принадлежит И. И. Срезневскому.¹⁸ К сожалению, данная публикация, по справедливому замечанию чешского исследователя Войтеха Ткадльчика, преисполнена ошибками и неточностями.¹⁹

Однако, отметим, значительно ранее, а именно в 1844 году, «снимок из Кириллова Написания», по его собственному признанию, сообщённый ему архиепископом Херсонским Иннокентием, был любезно отправлен И. И. Срезневским упомянутому выше П. И. Шафарику в злату Прагу. Письмо русского слависта с описанием сборника попа Лаврентия и приложенной копией исповедания и поныне хранится в Пражском Национальном музее под шифром: 1 Dc 2 17.²⁰

В последующем древнеславянский текст «Написания» из сборника 1348 года переиздавался неоднократно в России, Болгарии и Германии.²¹ Имеются переводы памятника, кроме русского, на болгарский (М. Генев, Д. Дюлгерев, Ю. Трифонов) и латинский языки (Станислав Кос)²². И все они, что вполне естественно и понятно, по причине, как мы увидим далее, неисправности текста грешат многочисленными погрешностями.²³

Однако в 1885 году Е. В. Барсовым был опубликован новый список «Написания» из сборника XVI века уже русской редакции, обнаруженного им в собственном рукописном собрании (ныне: ГИМ. – Барс. – № 1498).²⁴ По составу оба сборника идентичны, но в отличие от прежнего в последнем отсутствуют некоторые заключительные статьи. Списки же самого нашего памятника, – среднеболгарский и русский, – по словам Г. А. Ильинского, коим при публикации первого указаны «главнейшие варианты Барсовского списка»²⁵, – «обнаруживают такую поразительную близость, что невольно внушают мысль, что оба они восходят к общему оригиналу, хотя, быть может, и не к непосредственному».²⁶

За прошедшие более чем полтора века со времени научного открытия «Написания о правой вере» к нему обращались многие исследователи. И в отношении атрибуции памятника, а соответственно – и подлинности его, согласно несколько эйфорической констатации Г. А. Ильинского, «для учёных старой школы тут не было даже вопроса: громадное большинство их не находило никаких оснований не верить в авторство Кирилла» (Константина Философа), безоговорочно доверяя содержащемуся уже в заглавии его «совершенно ясному и категорическому свидетельству о принадлежности «Написания» перу великого апостола славян».²⁷

Ещё в 1824 году К. Ф. Калайдовичем было высказано предположение о тождественности «Написания о правой вере», – по его собственному выражению, «кажется неподложного», – тому исповеданию, кое некогда в Риме святыми равноапостольными Константином–Кириллом и Мефодием «словесно и письменно» было представлено Папе Адриану II «в рассуждении согласия их с Римскою Церковью».²⁸ В дальнейшем эта исходная версия – лишь только с некоторыми незначительными вариациями – и получила преимущественное распространение среди исследователей, славистов и церковных историков,²⁹ прежде всего – русских: митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), Тиминский, П. А. Лавровский, в более позднее время – серб Никодим Милаш, болгарин Д. Дюлгеров и другие.³⁰

«Не то ли исповедание, – с удивлением, *ибо отнюдь не находим никакой адекватной редакционной справки*, читаем мы в восходящей к середине XIX века, но переизданной совсем недавно (*уже много после идентификации памятника!*) многотомной «Истории Русской Церкви» митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), – святыя братья словесно и письменно (*verbis et literis*) предъявили и пред папским престолом ещё во время своей первой поездки в Рим? [(А. Шлецер) Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке / Сличенные, переведённые и объяснённые А. Шлецером; Пер. с немецкого Д. Языкова. – СПб., 1809–1819. – (3 ч.) – Ч. 2. – С. 514]».³¹

Однако вместе с тем, вопреки эйфории Г. А. Ильинского, начиная уже с первой половины XIX века, то есть от самых истоков, высказывались и сомнения в аутентичности памятника и принадлежности его – согласно самопрокламации в заглавии – авторству Константина Философа.³² Такой позиции, не выражая при этом определённого мнения, по свидетельству Войтеха Ткадльчика, держались: М. И. Сухомлинов, А. С. Князев, И. И. Срезневский, И. Платонов, митрополит Антоний (Вадковский), П. А. Сырку и многие другие.³³

Среди первых концептуальных, так сказать, скептиков можно назвать известного чешского слависта венгерского происхождения аббата Йозефа Добровского, Общество Иисуса, который считал «Написание» творением уже позднейшего времени.³⁴

П. И. Шафарик, как мы видели выше, атрибутировал исповедание веры Константину, епископу Преславскому, ученику святого Мефодия.³⁵ К его мнению присоединились: Франьо Рачки, по всей вероятности – О. М. Бодянский, с несомненностью – В. А. Бильбасов,³⁶ а также некоторые и другие учёные, среди коих, отметим, в позднейшее время – Ф. Гривец.³⁷

Е. В. Барсов, как то увидим ниже, считая возможным сомнение в авторстве святого Кирилла–Константина, полагал при этом, что во всяком случае оно вполне может принадлежать перу всё–таки какого–либо из ближайших учеников апостола славян.³⁸

Уже ближе к середине XX века, в 1942 году, отметим к тому же, упомянутый диссертант Папского Грегорианского университета Станислав Кос, S.S., коему принадлежит самое обширное доселе исследование древнего славянского памятника, приписывал авторство его другому ученику святого Мефодия – епископу Клименту Охридскому.³⁹

«Самые серьёзные возражения против подлинности «Написания», по мнению Войтеха Ткадльчика, в начале последней четверти XIX столетия выдвинул «русский православный богослов» А. Д. Воронов.⁴⁰ Последний «относил происхождение памятника к XII веку и считал его творением, направленным против митрополита острова Корфу (Керкиры) Константина, грека по происхождению, который на Константинопольском соборе 1170 года в контексте споров о смысле слов Иисуса Христа «Отец Мой более Меня» (Ин. 14, 28) был осуждён как еретик».⁴¹

«Это мнение, – отмечает В. Ткадльчик, имея в виду сравнительную перспективу на рубеже веков, – разделяли Ватрослав Ягич и Франтишек Снопек». Под влиянием выдвинутых Вороновым соображений и некоторые другие учёные «со всею серьёзностью» подвергали сомнению авторство Кирилла–Константина (Е. Е. Голубинский, В. К. Серебренников и прочие).⁴²

Позднее, уже в первой трети XX века «точка зрения А. Д. Воронова была модифицирована Венансом Грумелем». Последний считал «Написание о правой вере» апологией самого Константина Керкирского, естественно, составленной на греческом и затем переведённой на церковнославянский язык. К его мнению присоединились М. Вейнгарт, М. Жюжи⁴³ и другие.⁴⁴

Однако наряду с подобными, своего рода «негативными» – в вопросе о подлинности «Написания» – тенденциями, по–прежнему наблюдались, как это мы видели, тенденции и «положительные». В частности, согласно В. Ткадльчику, «в пользу «реабилитации» памятника в аспекте утверждения авторства Константина–Кирилла много потрудился Иван Малышевский». Но только многие десятилетия спустя, по словам чешского слависта, «лишь исследованием Г. А. Ильинского⁴⁵ был намечен решительный поворот в этом направлении. Под влиянием аргументов последнего к данной точке зрения склонялись С. М. Кульбакин, П. А. Лавров и Н. К. Никольский, а болгарские богословы Гошев и Дюлгеров принимали её безоговорочно».⁴⁶ Под «решительным поворотом» автор, отметим, имел в виду главным образом обоснование русским славистом, – вопреки утверждениям А. Д. Воронова, – древности текста памятника, но отнюдь не авторство его.

До публикации А. Д. Воронова и «негативные», и «позитивные», – назовём их так, – *предположения* или же вообще не аргументировались (самоатрибуция!), или аргументировались весьма поверхностно, часто имея основание в одной лишь интуиции. Что же касается своего рода ключевой «негативной» аргументации последнего,⁴⁷ то она, как это было показано дальнейшими обстоятельными в некоторых аспектах исследованиями уже в XX веке (Г. А. Ильинский, П. А. Лавров, Ю. Трифонов, Станислав Кос), во многих своих элементах оказалась легко уязвимой.⁴⁸ И потому общий вывод автора, который относил появление памятника к XII веку (к этому выводу, как уже выше говорилось, присоединился и Е. Е. Голубинский, позднее – Венанс Грумель, с изменением самой атрибуции), не выдержал критики.

Однако А. Д. Воронову в отдельных случаях всё же удалось увидеть действительные проблемные моменты в форме и содержании «Написания» соотносительно заданной в заглавии памятника атрибуции. В результате в последующие годы рядом даже позитивно настроенных исследователей уже признавалась – таки необходимость «оставить мнение о непрерывности его свидетельства (об авторстве)», не отвергая при этом значения самого по себе этого памятника как выражения твёрдой убеждённости Восточной Церкви в чистоте и неврежденности православной традиции, сохранённой в учении святого Кирилла и с несомненностью воспринятой его чадами.⁴⁹

Возводя «Написание» «к первым векам славянской письменности» и вполне обоснованно полагая, что «древность его не может подлежать ни малейшему сомнению», Е. В. Барсов, в частности, в 1885 году писал: «Критика подлинности этого памятника, как произведения славянского первоучителя Кирилла, далеко не так основательна, чтобы можно было с нею бесспорно соглашаться ... Но если бы даже этот памятник и не был творением самого Кирилла, то, во всяком случае, он должен принадлежать [однако] кому-нибудь из ближайших его учеников, стремившихся утвердить православное вероучение его авторитетом в эпоху борьбы с римским учением».⁵⁰

В начале XX века, согласно не беспристрастному свидетельству Г. А. Ильинского, выступает уже «длинная фаланга» исследователей кирилло-мефодианского вопроса «с Ягичем во главе», которые, – по словам автора, – отнюдь «не давая себе труда» хотя бы как-то опровергнуть имеющуюся позитивную аргументацию, «*tacito consensu*» вычёркивают «Написание» из числа творений великого апостола славян». И более того, они «вообще игнорируют существование этого памятника, как будто его фальсификация представляла доказанный факт». Примеру последних следуют и некоторые

историки болгарской литературы, в частности, М. Мурко, М. Вейнгарт и другие.⁵¹ Сия «фаланга» с примкнувшими к ней учёными, как мы видели ранее, в основном склонялась к признанию более позднего происхождения памятника, относя его к XII веку и приводя в соответствие и атрибуцию.

В обзорной статье Григория Андреевича Ильинского «Написание о правой вере» Константина Философа», появившейся в 1925 году, как бы подводился итог предшествовавшему столетию в истории проблемы.

Автором была суммирована и приумножена критика, – собственно, за неимением в то время иной, – вороновской негативной аргументации. И в результате он счёл возможным сделать следующее заключение: «Итак, ни история вопроса, ни внешняя критика текста, ни анализ его внутреннего содержания, ни его язык не вскрыли *ни одного* факта, который дал бы нам право оспаривать принадлежность «Написания» тому лицу, имя которого оно носит в заглавии. Напротив, – настаивал автор, на основании анализа языка весьма доказательно обосновавший глубокую древность памятника, – всё указывает на то, что мы имеем в нём *подлинное* произведение славянского первоучителя».⁵² Согласно Г. А. Ильинскому, это последнее представляет собой вероназидательное «прощальное слово учителя (или, – по его словам, – лучше сказать, – профессора) своим ученикам» в одной из церквей Велеграда пред тем, как в конце 868 года братьям отправиться в Рим.⁵³

Позднее, уже в 1935 году, по–прежнему с критикой позиции А. Д. Воронова, а также высказанных незадолго до того взглядов В. Грумеля, который, напомним, соглашаясь с русским исследователем в датировке, в отличие от него атрибутировал «Написание» еретику XII века митрополиту острова Корфу (Керкиры) греку Константину, выступил болгарский учёный Ю. Трифионов.⁵⁴ Вопреки, в частности, мнению В. Грумеля, будто данное исповедание первоначально было составлено по–гречески и лишь затем, уже несколько позднее переведено на среднеболгарский язык, когда, по всей вероятности, и была совершена неосознанная фальсификация (в данном конкретном случае – по сходству имён), последним автором, напротив, выражена непреклонная убеждённость именно в древнеболгарском происхождении памятника, поскольку, по его словам, в нём *нет и следа греческого оригинала*. Поэтому, декларировал Ю. Трифионов, «Написание» является *единственным* – из дошедших до нас – *оригинальным* трудом Константина–Кирилла Философа, который *изначально был изложен на древнеболгарском языке*.

И до самого последнего времени позитивная аргументация Г. А. Ильинского и Ю. Трифионова (опус Станислава Коса остался как–то в тени)

большинством исследователей–славистов считалась вполне убедительной и неколебимой, окончательно решающей вопрос не только о древности текста, но и о действительном авторстве памятника «в пользу Константина Философа».⁵⁵

При этом, однако же, странным образом оставались не замеченными (или просто–таки игнорировались?) тонкие наблюдения Н. К. Никольского, касающиеся смыслового содержания памятника и относящиеся ещё к 1928 году. Учёному без особого труда и усилия удалось выявить очевидные и безусловные *внутренние* и *внешние* противоречия в тексте «Написания». Существование таковых, как мы только что это видели, буквально перед самым появлением данной статьи, а также и в последующем категорически отвергалось. Ведь сие могло бы прямо поставить под сомнение авторство такого лица, как Константин Философ, муж весьма высокой учёности.

Н. К. Никольским сопоставляются некоторые явно противоречивые выражения из «Написания о правой вере» (нумерация строк по изданию памятника, осуществлённому Г. А. Ильинским⁵⁶).

Здесь, с одной стороны, имеем:

«ЕДИНСТВОУ ЖЕ СЖЩЬСТВОМЪ КЛАНЪЖ СЛ» (строки 33–34) и

«ЕДИНО БО БЖТВО ВИДИМЪ ВЪ ТРЕХЪ СЖЩЬСТВОМЪ ЕДИНОУЖЩЕ СЛ» (строки 45–47);

однако далее видим нечто прямо противоположное (цитация для наглядности несколько расширена):

«ВЪ ЕДИНОСЖЩИНЪИ ТРОИЦИ ПО СЖЩЬСТВОУ ... НИ ПАКЫ ВЪ ЕДИНО СЖЩЬСТВО СЛАГАЖ НИ СМЪШАЖ...» (строки 85, 88–90).

Учёным приводится и следующий с очевидностью *внутренне* и *внешне* противоречивый фрагмент (в цитации расширен):

«ЕЖЕ ЕСТЬ РАЗЪБЛЕНО СЖЩЬСТВОМЪ. ОБЩЕНИЕМЪ ЕСТЬСТВНЫМЪ СВЪЗКОУПЛЪЖ. А СВЪЗКОУПЛЕНОЕ СЖЩЬСТВОМЪ И БЖТВОМЪ РАЗЪБЛЕНИЕМЪ ТРИЛИЧНЫМЪ РАЗОУМЪВАЖ ПО ОБОЕМОУ» (строки 97–99).⁵⁷

Сам автор, вполне справедливо полагая, что оценка памятника «как «шедевра» богословской эрудиции и диалектики (Г. Ильинский, с. 74–75), достойного высокопросвещённого богослова», каким был святой Кирилл, по сути является «несколько преждевременной», адекватно констатирует: «Догматическое содержание «Написания» формулировано в выражениях недостаточно ясных. Происходит ли эта неясность от подновления языка при переписке, или от других причин, – решить в настоящее время трудно. Но терминологическая несогласованность наблюдается ... Только после

идеологического комментария к «Написанию» в связи с терминологией памятников кирилло–мефодиевской эпохи будет возможным окончательно разрешить вопрос о подлинности и неповреждённости текста «Исповедания» и получить исходную точку опоры для дальнейших выводов о нём и об отражениях идеологии этого ценного памятника на ряде других произведений славянорусской письменности». ⁵⁸

Как бы откликнувшись на приглашение Н. К. Никольского, несколько позднее попытку углублённого лингвистического и семантического анализа славянского текста «Написания о правой вере», попытку, надо сказать, прямо–таки дерзновенную, предпринял упомянутый и цитированный выше чешский славист *Войтех Ткадльчик*.

Первоначально, в 1960 году, выводы учёного были прокламированы Ф. Гривецом, в книге «Константин и Мефодий, учителя славян», притом, отметим, с некоторыми даже острережениями. ⁵⁹ Однако всего двумя годами позже в статье «К кирилло–мефодиянскому вопросу», опубликованной в седьмом номере журнала «Мир славян», ⁶⁰ касаясь своих доводов в защиту авторства епископа Константина Преславского, он, по замечанию самого первопроходца, писал «буквально следующее»: «Для меня слишком большую трудность представляло существование множества взаимопротиворечивых гипотез по вопросу о подлинности нашего церковнославянского памятника. Но после того, как В. Ткадльчик поколебал доказательства в пользу его аутентичности, мои аргументы просто утратили силу». ⁶¹

Уже в 1969 году появилось и собственное достаточно обстоятельное исследование чешского учёного, помещённое в сборнике «Константин–Кирилл из Фессалоник», приуроченном к 1100–летию блаженной кончины апостола славян. ⁶²

Войтех Ткадльчик вполне принимает аргументированные доводы своих предшественников: Г. А. Ильинского, ⁶³ П. А. Лаврова ⁶⁴ и – главным образом – Ю. Трифонова ⁶⁵, а также С. Коса ⁶⁶ – относительно глубокой древности славянского текста «Написания о правой вере». По его словам, выявленные исследователями языковые архаизмы позволяют отнести его самое позднее к X–му столетию. Ценность выдвинутых лингвистических оснований признана и рядом других учёных. Однако сами они не являются достаточными для обоснованного утверждения тезиса об авторстве святого Кирилла. Собственно, к подобному заключению склонялся и Ю. Трифонов. При этом, напомним, он категорическим образом отвергал предположение о наличии греческого оригинала памятника. В. Ткадльчик же, напротив, выдвигает именно этот тезис. И он стремится обосновать его посредством выявления в тексте таких неудобовразумительных в славянской версии фрагментов, структура и смысл которых становятся понятными лишь только

исходя из факта некорректного перевода с греческого и никак иначе. В результате, полагает автор, на основе славянского текста вообще может быть реконструирован греческий оригинал, который – в свою очередь – во многих случаях будет способствовать установлению адекватного смысла некоторых тёмных мест в славянском переложении, а иногда – также и преодолению многих трудностей богословского характера, которые могли возникнуть вследствие неверного или неточного перевода с греческого.⁶⁷

Выполнима ли эта грандиозная задача? В. Ткадльчик не сомневается, что она выполнима. И он предлагает ряд примеров, первые два из которых считает вполне достаточными для доказательства того, что славянское «Написание» по своей сути является переводом, тогда как остальные (их более дюжины) могут служить лишь для преизбыточного подтверждения этого вывода.

Что же можно сказать относительно приведённых автором примеров? Когда знакомишься с ними *априори*, то есть не располагая действительной аналитической картиной или не обращаясь к таковой, эти примеры просто поражают воображение: чувствуется колоссальная работа утончённой и изощрённой мысли остроумного учёного. Однако даже при этом вряд ли возможно считать их столь уж доказательными (в том числе и первые два), чтобы безоговорочно и бесповоротно принять их в качестве обоснования окончательных выводов исследователя, по своему существу оказавшихся всё-таки верными. Несколько более конкретно об этом будет сказано ниже.

Что же касается самих по себе выводов Войтеха Ткадльчика, то они таковы. По мнению чешского учёного, славянское «Написание о правой вере» зависимо от греческого оригинала и представляет собой слабый с языковой и богословской точек зрения перевод. В случае, если бы автором его был именно святой Константин–Кирилл Философ, то его авторство может быть принимаемо во внимание лишь только в отношении греческого оригинального текста (естественно, пока ещё гипотетического). Славянская же версия отнюдь не могла быть создана им, поскольку мы вовсе не можем инкриминировать апостолу славян ни очевидное незнание или – в лучшем случае – слабое знание греческого языка, ни богословское неведение. На тех же основаниях должно быть исключено предположение об авторстве и святого Мефодия, брата его.

Представляется в высшей степени невероятным, чтобы авторами славянского переводного текста «Написания о правой вере» были также и ближайшие, непосредственные ученики святых самобратьев, как, например, святой Климент Охридский (мнение Станислава Коса) или упомянутый Константин, епископ Преславский (мнение многих славистов), поколику и от них мы могли бы ожидать нечто несравненно лучшее.

Однако, продолжает В. Ткадльчик, святому Константину–Кириллу отнюдь не может быть атрибутировано авторство и в отношении греческого оригинального текста, в частности, на следующих основаниях. Во–первых, «Написание» не упоминается в Паннонском житии святого Константина, хотя этот лучший и наиболее обстоятельный источник касательно жизни и деятельности славянского первоучителя называет его творения, из некоторых из них приводит обширные фрагменты, цитирует его слова и молитвы. Не упоминается «Написание» также и в Болгарской легенде. Наконец, и то обстоятельство, что наш памятник содержится лишь в двух относящихся к сравнительно позднему времени рукописях, свидетельствует отнюдь не в пользу глубокой древности и высокого авторитета такого труда, который фактически приписывается святому Кириллу Философу. И т. д. и т. п.

Сам В. Ткадльчик, исходя из всего выше сказанного, считает, что создателем греческого текста «Написания» был какой–то греческий монах или иерарх, который где–то в X столетии местонахождением обрелся в Болгарии. Он был приверженцем и почитателем святого Фотия, патриарха Константинопольского, современного просветителям славянских стран, и испытывал сильное влияние со стороны творений Никиты Византийского, ученика последнего. То, что автор использовал мирское имя апостола славян, *Константин*, объясняется тем, что именно оно было известно в то время в широких общественных кругах, особенно в греческих пределах. В Болгарии же его вообще знали под двумя именами, как свидетельствует об этом Черноризец Храбр в сказании «О письменах».

Создан греческий текст «Написания» мог быть лишь в сравнительно позднее время по блаженной кончине святого Константина–Кирилла (уж, добавим, конечно!). Славянский же перевод – соответственно – мог быть выполнен несколько позднее каким–либо священником или епископом в Болгарии же. Однако, заключает Войтех Ткадльчик, можно с высочайшей степенью вероятности утверждать, что переводчиком не был никто из ближайших и непосредственных учеников святых Кирилла и Мефодия.⁶⁸

Чешский исследователь в данном случае не только теоретизировал. Будучи с несомненностью убеждён в своих выводах, он предпринял и некоторые практические шаги по разысканию соответствующего греческого текста. Как любезно сообщил автору настоящих строк декан (тогда, в конце восьмидесятых годов XX столетия) Православного богословского факультета в Прешове профессор–протоиерей Павел Алеш, в своё время В. Ткадльчик, с его собственных слов, отослал в Вену известному слависту Франтишеку Марешу список греческих исповеданий веры, среди коих мог бы находиться и предполагаемый протограф славянского «Написания», препроводив его просьбой к профессору препоручить своим ученикам и

последователям поиска такового. Но университетским лингводетективам, которые были привлечены к сей операции, ничего подходящего обрести не удалось.

Однако *сенсация* (так расценил это сам Войтех Ткадльчик и вместе с ним – протоиерей Павел Алеш) всё–таки состоялась. 16 марта 1986 года автору настоящих строк посчастливилось наконец–то открыть греческий подлинник, как это теперь твёрдо установлено, переводного славянского «Написания о правой вере».

Всё началось с повторной публикации во второй книжке «Журнала Московской Патриархии» за 1982 год (первую публикацию см. там же, в № 6 за 1969 год) весьма неисправного, по замечанию и В. Ткадльчика,⁶⁹ русского перевода «Написания». Здесь обнаружилось столь много самых различных некорректностей и погрешностей, в том числе – и против православной веры, что потребовалось обращение к самому источнику. Однако и источник содержал множество сюрпризов, некоторые из коих отмечены выше (Н. К. Никольский). Пришлось немного призадуматься. В результате текст памятника в некоторых его наиболее выразительных моментах прочно и надолго запечатлелся в памяти. И во время *оно*, в процессе работы над некоторыми святоотеческими творениями, вдруг стали встречаться до боли знакомые места. А затем вдруг пришло и благодатное осенение. Так что, как видим, счастливая случайность. А приятно! Тем более, что и не без пользы.

Как оказалось, в основе славянской версии «Написания о правой вере» лежит цельный фрагмент вероисповедного характера из Большого Апологетика (Apologeticus Major), принадлежащего авторству святителя *Никифора I Исповедника*, патриарха Константинопольского (около 758–828; память 2 июня по старому стилю).

Патриарх Никифор I, возведённый на константинопольскую кафедру в 806 году из мирян (прежде он был государственным секретарём, ранее – в 787 году – присутствовал на VII Вселенском Соборе), занимал её до 815 года. За противление иконоборческой политике императора Льва Армянина (прозванного Хамелеоном) первоиерарх был удалён ссылкой и заточён в одном из островных монастырей. Здесь он и провёл остаток жизни, в многочисленных сочинениях не преставая ревностно свидетельствовать православную веру и выступая в защиту иконопочитания. В число творений патриарха, восходящих к тому печальному периоду, входит и упомянутый Большой Апологетик, написанный автором в ближайшие же по заточении годы (818–820).⁷⁰ Блаженная кончина первосвятителя Никифора последовала в 828 году, уже при жизни Константина Философа (827–869), прославление его как исповедника было совершено в 846 году.

Большой Апологетик, полное название которого в русском переводе выглядит следующим образом: «Святого отца нашего Никифора, бывшего архиепископа Константинопольского, слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, будто мы поклоняемся идолам»,⁷¹ входит во все известные рукописи сочинений первосвятителя. Опубликован, в частности, – с параллельным латинским переводом – в 100-м томе Греческой серии Патрологии аббата Миня (Migne. PG. – Т. 100. – Col. 533–832). Из приблизительно 150 колонок греческого текста пять приходится на указанный выше фрагмент вероисповедного характера (col. 580C–589D), что составляет примерно 300 строк.

Поскольку сие вероизложение в контексте всего Апологетика имеет, несомненно, конкретную направленность (защита иконопочитания), то оно ограничено тринитарной, христологической и иконологической частями и не содержит остальных частей соответственно членам Символа веры, как это бывает в обычных случаях (см., например, вероисповедание в составе известительного послания патриарха Никифора, адресованного первому среди равных собратьев по епископству Папе Римскому Льву III,⁷² или ставленническое (при поставлении на митрополичью кафедру) исповедание веры митрополита Киевского Илариона⁷³).

Структурно славянская версия «Написания» в своей основной части буквально воспроизводит греческий оригинал. Добавлено лишь несколько адаптирующих строк: начальные, включая заглавие (1–8), с упоминанием имени святого Константина Философа (дважды), и заключительные (357–374), с упоминанием присного брата и споспешника его святого Мефодия. При этом, отметим, одна из славянских фраз в конечном адаптирующем фрагменте, не совсем корректно оказавшаяся в составе экстраполяции: «**и чьстныа ихъ памяти твораще**» (строки 361–362), – имеет соответствие в греческом тексте: «*καὶ τὰς μνῆμας εὐσεβοῦντες ὑεραίρομεν*».

Кроме того, полагаем важным отметить следующее. Исповеданию, в его славянской версии приписываемому единичной персоне, посредством сингуляризации – вопреки греческому протографу – соответствующих глагольных форм (в большинстве случаев, но не всегда) придан характер личного.⁷⁴

Само название исповедания «Написание о правой вере», по всей вероятности, выбрано не случайно. В частности, в Изборнике великого князя Киевского Святослава 1073 года, также представляющем собой перевод с греческого, восходящий к начальным десятилетиям X века и выполненный для болгарского царя Симеона, мы находим «Написание о правой вере» Михаила Синкела Иерусалимского (первая половина IX века)

(л. 20 в). Славянское слово «*написание*» в данном случае выступает в качестве эквивалента греческого *λίβελλος* (*libellos*).⁷⁵ В греческий протограф Сборника 1073 года и – соответственно – в славянскую версию, отметим к случаю, наряду с более древними текстами вошёл также сокращённый Хронограф патриарха Никифора.

Что же касается самого перевода с греческого на древнеславянский, то он – в принципе – является дословным. Не затрагивая текстологических проблем греческого подлинника и в настоящей статье основываясь лишь на публикации аббата Миня, можно отметить, что в переводе в редких случаях наблюдается опущение отдельных слов (обычно – подобных членов), союзов и частиц, как правило, не ведущее к искажению смысла. Иногда встречаются пропуски фразовых фрагментов, что может быть и дефектом переписки. В качестве примера можно указать строки 84–86 древнеславянского текста. Но самым интересным является то, что в переводе добавлены отдельные слова и некоторые фразы, несущие определённую смысловую нагрузку. В частности, здесь подчёркивается аспект исхождения Духа Святого от Бога Отца «*единого*» (строка 18; см. также строки 28–29). Именно подобные формулировки вызвали бурю споров вокруг памятника (А. Д. Воронов и его оппоненты). По всей вероятности, эти включения, будучи своеобразными аллюзиями, могут сослужить полезную службу при определении действительного времени возникновения перевода.

В иконологической части «Написания», там, где говорится, что через поклонение иконам честь возносится к первообразу, по сравнению с оригиналом прибавлены слова: «*егоже тѣло есть написано*» (строки 347–348). В данном случае передаётся мысль ороса VII Вселенского (II Никейского) Собора 787 года, официально утвердившего иконопочитание (на этом Соборе, как уже говорилось выше, в качестве секретаря при представителях императора присутствовал и будущий патриарх Никифор). Цитируем: «...честь, воздаваемая образу (иконе), восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется *ипостаси* изображённого на ней».⁷⁶

«*Тѣло*» здесь, как и в ряде других мест (строки 185, 188, 193, 252), выступает в качестве славянского эквивалента именно греч. «*ὑπόστασις*». Однако это последнее слово в иных случаях передаётся или – посредством транслитерации – как «*ипостась*»: «*ипостасми*» (строка 21: творит. падеж множ. числа), или как «*лицо*» (в сложном слове «*три--личнымъ*» – строка 101), или – применительно ко всем божественным Лицам – как «*сълична*» (строка 47: множ. число), или же как «*сщъство*» (строки 78, 89, 98, 115–116). Например, известные слова из Послания апостола Павла к Евреям:

«образ *Ипостаси* Его» – «τὸν χαρακτῆρα τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ» (Евр. 1, 3) – в переводе переданы так: «**ОБРАЗЪ СЖЦЬСТВА ЕГО**» (строки 115–116).

Однако слав. «**СЖЦЬСТВО**» во многих местах выступает в качестве эквивалента греч. «**οὐσία**» (строки 16, 34, 46, 50, 82, 85, 92, 100, 204, 248, 295, 299, 315). Отсюда и те коллизии, которые были отмечены Н. К. Никольским (позднее – В. Ткадльчиком, а теперь и нами): вполне очевидная «терминологическая несогласованность» в переводе приводит к очевидным внутренним противоречиям.

Отметим и следующий интересный случай, когда славянский текст помогает восстановить утрату в греческом в публикации аббата Миня. Так, в «Написании» мы имеем: «**БѢ ДХА СТГО ВЕЛНЧАЖ. ИМЖЕ ВСТѢ СЪХРАНѢЖТЪ СѦ И СЪДРЪЖЖТЪ. ЕДИННОГО БѢ ВЪ ТРЕХЪ ЧЪТЖ**» (строки 66–68). В греческом же тексте: «**θεὸν τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον προσκυνοῦμεν, ἐν ᾧ τὰ τρία σέβοντες**» (581 C), – по всей вероятности, наблюдается очевидная гаплография, пропуск слов, стоящих между двумя одинаковыми членами – **τὰ**. Как можно предположить, здесь должно было бы читаться следующее: «**ἐν ᾧ τὰ [πάντα ... καὶ ... τὰ] τρία σέβοντες**» (ср. 184 A).

После небольшого сопоставительного экскурса по источникам – несколько слов в отношении аргументации В. Ткадльчика в пользу тезиса о переводном характере «Написания», теперь уже *апостериори*, зная ответ. В настоящее время таковая, разумеется, может иметь лишь историческое значение. Но была ли она сама по себе, поставим вопрос, достаточной для обоснования защищавшегося автором тезиса? По всей вероятности, не вполне.

Покажем это посредством анализа первого примера, приведённого В. Ткадльчиком. В данном случае чешский славист отмечает очевидную, с его точки зрения, несогласованность в роде между взаимосвязанными будто бы элементами в одном из фрагментов памятника (строки 47–50):

«**три же сълична въ единомъ бжтвѣ. нераздѣлно раздѣлѣемъ. инако како по кождо отъ сжциихъ свойствъ**» –

«три же Лица (созерцаем) во едином Божестве, разделяя нераздельно, по различию присущих *каждой* свойств»;

в греческом протографе имеем:

«**τρεῖς δὲ ὑποστάσεις ἐν τῇ μιᾷ θεότητι, τῷ ἑτεροίῳ τῶν περὶ ἐκάστην ἐνυπαρχουσῶν ἰδιότητων, ἀμερίστως διαιρουμένας**».

Учёный полагает, что в славянском переводе – в соответствии с предполагаемым им греческим протографом – слова «**кождо**» – «**каждой**»

(слово женского рода) и «**СВОИСТВЪЪ**» – «**свойств**» (слово среднего рода) грамматически взаимосвязаны и в этом аспекте должны были бы быть согласованы в роде. Рассогласование же их, по его мнению, является следствием как раз того, что при переводе первое из них якобы сохранило род оригинала «**ἐκάστην**», тогда как второе, напротив, изменило таковой по сравнению с его греческим эквивалентом «**ἰδιότητων**» (оба греческих слова женского рода, но различаются по числу).

В действительности же «**ἐκάστην**» в исходном тексте соотносится не с «**ἰδιότητων**», а со стоящим прежде словом женского же рода множ. числа «**ὑποστάσεις**», которое в славянском переводе передано как «**сълична**» (слово среднего рода множ. числа). Вполне прозрачный эллипсис может быть раскрыт, например, следующим образом: «**περὶ ἐκάστην (ὑπόστασιν) ἐνυπαρχουσῶν ἰδιότητων**».

Безусловно, несогласованность в роде наблюдается, однако совсем не там, где её видит Войтех Ткадльчик. И причиной этого совсем не обязательно должен быть неточный перевод. Тем самым аргумент автора, как видим, в действительности не может иметь и не имеет безусловной силы. Фрагмент же обретает корректность, если просто–напросто заменить в нём слово «**сълична**» синонимом «**ипостаси**»: «**три же ипостаси...**».

Во втором же примере рассуждения автора весьма остроумны и глубокомысленны. Однако же они опять–таки вряд ли могут доказательно служить его целям, поскольку действительная ошибка в славянском тексте в данном случае несравненно более элементарна и проста, чем это можно было предположить доброжелательному исследователю: она «**неправильна**» (как и многие другие погрешности, связанные просто с бытованием текста) и потому непредсказуема.

К сожалению, то же самое в той или иной степени относится и к другим построениям автора, в основном базирующимся на некорректностях в славянском тексте, имеющих довольно–таки нейтральный характер. И лишь конгениальное авторскому остроумие сможет увидеть здесь влияние предшествующего греческого оригинала. Однако это отнюдь не снижает ценности весьма поучительных разысканий чешского слависта. И само по себе исполненное глубокого смысла исследование Войтеха Ткадльчика станет в источниковедении, полагаем, хрестоматийным.⁷⁷

¹ **Калайдович К. Ф.** Иоанн, ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX–X столетий. – М., 1824. – С. 89–90.

² **Ундольский В. М.** Отзыв Патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича. – В: Богословские труды. – Издание Московской Патриархии. – № 23. – М., 1982. – С. 244.

³ О так называемом сборнике 1348 года попа Лаврентия (или – иногда – царя Ивана Александра) см., в частности: *Калайдович К. Ф.* Иоанн, ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX–X столетий. – М., 1824. – С. 88. – Прим. 6; *Кувев К. М.* Судьба сборника Ивана Александра 1348 года. – ТОДРЛ. – Т. 24. – Л., 1969. – С. 117–121; *Кувев К. М.* Иван Александровият сборник от 1348 г. – София, 1981.

⁴ *Кувев К. М.* Судьба сборника Ивана Александра 1348 года. – ТОДРЛ. – Т. 24. – Л., 1969. – С. 120.

⁵ *Кувев К. М.* (там же) несколько иначе представляет последовательность событий, возводя указанную приписку ко времени пребывания старца Арсения Суханова на Афоне.

⁶ *Барсов Е. В.* Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. – ЧОИДР. – 1885. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 3.

⁷ *Кувев К. М.* Судьба сборника Ивана Александра 1348 года. – ТОДРЛ. – Т. 24. – Л., 1969. – С. 120.

⁸ *Барсов Е. В.* Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. – ЧОИДР. – 1885. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 3–4.

⁹ *Кувев К. М.* Судьба сборника Ивана Александра 1348 года. – ТОДРЛ. – Т. 24. – Л., 1969. – С. 121.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ундольский В. М.* Сильвестр Медведев, отец славяно–русской библиографии. – ЧОИДР. – 1846. – Кн. 3. – Отд. IV. – С. 111 и др.

¹² Там же. – С. 52.

¹³ Там же. – С. XX.

¹⁴ *Шафарик П. И.* Расцвет славянской письменности в Бугарии. – ЧОИДР. – 1848. – Кн. 7. – С. 51.

¹⁵ *Калайдович К. Ф.* Иоанн, ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX–X столетий. – М., 1824. – С. 89–90.

¹⁶ Воскресное чтение. 1840–1841. – № 45. – С. 407–412.

¹⁷ *Князев А. С.* Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славян, и влияние их подвигов на народное образование как всего славянского мира вообще, так и России в частности. – СПб., 1866. – Приложение. – С. I–VIII.

¹⁸ *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. – СПб., 1867. – Вып. IV. – № XXXVI. – С. 47–52. – В: Записки Академии Наук. – СПб., 1867. – Т. II. – Кн. 1. – Приложение 2.

¹⁹ *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 185, Anm. 1.

²⁰ *Vašica J. – Vajs J.* Soupis staroslovanských rukopisů Národního musea v Praze. – Praha, 1957. – S. 454–455; *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 185, Anm. 1; фотокопии письма И. И. Срезневского П. И. Шафарика и приложенного к нему «снимка из Кириллова Написания» дирекцией Пражского Национального музея были любезно изготовлены и высланы в адрес автора настоящих строк по его просьбе.

²¹ Библиографию по вопросу см.: *Ильинский Г. А.* «Написание о правой вере» Константина Философа. – В: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925. – С. 63–73; *Kos Stanislav, S. S.* De auctore Expositionis verae fidei S. Constantino adscriptae (Napisanie o pravěj věřě). Universitas Gregoriana. Dissertatio ad lauream. – Laibach, 1942. – P. 41–51; *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 185–186, Anm. 1; *Кувев К. М.* Иван Александровият сборник от 1348 г. – София, 1981. – С. 141–142. – Прим.1.

²² *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 185–186, 206, Anm. 21.

²³ Там же.

²⁴ *Барсов Е. В.* Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. – ЧОИДР. – 1885. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 1–11; см.: *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 185, Anm.1.

²⁵ *Ильинский Г. А.* «Написание о правой вере» Константина Философа. – В: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925. – С. 89.

²⁶ Там же. – С. 72.

²⁷ Там же. – С. 63.

²⁸ *Калайдович К. Ф.* Иоанн, ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX–X столетий. – М., 1824. – С. 89. – Прим. 9.

²⁹ *Ильинский Г. А.* «Написание о правой вере» Константина Философа. – В: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925. – С. 63–65, 71–73 и другие.

³⁰ *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 186.

³¹ *Макарий (Булгаков),* митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. – Книга 1. – М., 1994. – С. 178; о Сборнике 1348 г. см. с. 296, прим. 367.

³² *Ильинский Г. А.* «Написание о правой вере» Константина Философа. – В: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925. – С. 65–71, 73.

³³ *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 186.

³⁴ Там же.

³⁵ *Шафарик П. И.* Расцвет славянской письменности в Булгарии. – ЧОИДР. – 1848. – Кн. 7. – С. 51; см.: *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 186.

³⁶ *Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий по документальным источникам. – СПб., 1868. – С. 18–19. – Прим. 2.

³⁷ *Tkadlčik Vojtěch.* Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 186, 205, Anm. 21.

³⁸ **Барсов Е. В.** Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. – ЧОИДР. – 1885. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 3; см.: **Tkadlčik Vojtěch.** Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 186.

³⁹ **Kos Stanislav, S. S.** De auctore Expositionis verae fidei S. Constantino adscriptae (Napisanie o pravěj věřě). Universitas Gregoriana. Dissertatio ad lauream. – Laibach, 1942; см.: **Tkadlčik Vojtěch.** Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 186.

⁴⁰ **Воронов А. Д.** Кирилл и Мефодий. Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия. – Киев, 1877.

⁴¹ **Tkadlčik Vojtěch.** Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 186–187.

⁴² Там же. – С. 187.

⁴³ **Jugie M.** Theologia dogmatica christianorum orientalium ab ecclesia catholica dissidentum. – Т. II. – Paris, 1933. – P. 656–657, Anm. 3.

⁴⁴ **Tkadlčik Vojtěch.** Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 187.

⁴⁵ **Ильинский Г. А.** «Написание о правой вере» Константина Философа. – В: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925.

⁴⁶ **Tkadlčik Vojtěch.** Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – С. 187.

⁴⁷ **Воронов А. Д.** Кирилл и Мефодий. Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия. – Киев, 1877. – С. 250 и далее.

⁴⁸ **Бернштейн С. Б.** Константин–Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. – М.: Изд–во МГУ, 1984. – С. 102.

⁴⁹ **Ильинский Г. А.** «Написание о правой вере» Константина Философа. – В: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925. – С. 70.

⁵⁰ **Барсов Е. В.** Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. – ЧОИДР. – 1885. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 3.

⁵¹ **Ильинский Г. А.** «Написание о правой вере» Константина Философа. – В: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925. – С. 73.

⁵² Там же. – С. 75–76.

⁵³ Там же. – С. 77.

⁵⁴ **Трифонов Ю.** Съчинението на Константина Философа (св. Кирила) «Написание о правѣи вѣрѣ». – В: Списание на Българската Академия на наукитѣ. – София, 1935. – Кн. 52. – Клон историко–филологичен и философско–обществен. – № 25. – С. 1–85.

⁵⁵ **Бернштейн С. Б.** Константин–Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. – М.: Изд–во МГУ, 1984. – С. 102.

⁵⁶ **Ильинский Г. А.** «Написание о правой вере» Константина Философа. – В кн.: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925. – С. 79–89.

- ⁵⁷ **Никольский Н. К.** К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу. – Известия по русскому языку и словесности. – Л., АН СССР, 1928. – Т. 1. – Кн.2. – С. 448–449.
- ⁵⁸ Там же. – С. 448–449.
- ⁵⁹ **Grivec F.** Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. – Wiesbaden, 1960. – S. 227.
- ⁶⁰ **Grivec F.** Zur Cyrillo–Methodianischen Frage//Der Welt der Slaven. – № 7. – 1962. – S. 339.
- ⁶¹ **Tkadlčik Vojtěch.** Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – С. 205–206, Anm. 21.
- ⁶² Там же. – С. 185–209.
- ⁶³ **Ильинский Г. А.** «Написание о правой вере» Константина Философа. – В: Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. – София, 1925. – С. 75,78.
- ⁶⁴ **Лавров П. А.** Кирило та Методій в давньословянському письменстві. – У Києві, 1928. – С. 184–185.
- ⁶⁵ **Трифонов Ю.** Съчинението на Константина Философа (св. Кирила) «Написание о правѣи вѣрѣ». – В: Списание на Българската Академия на наукитѣ. – София, 1935. – Кн. 52. – Клон историко–филологичен и философско–обществен. – № 25. – С. 23–29, 55, 66–81.
- ⁶⁶ **Kos Stanislav, S. S.** De auctore Expositionis verae fidei S. Constantino adscriptae (Napisanie o pravěj věřě). Universitas Gregoriana. Dissertatio ad lauream. – Laibach, 1942. – P. 52–87.
- ⁶⁷ **Tkadlčik Vojtěch.** Das Napisanije o pravěi věřě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor. – In: Das östliche Christentum. – Neue Folge. – Heft 22: Konstantin–Kyrill aus Thessalonike. – Würzburg, 1969. – S. 187–188, 190–192.
- ⁶⁸ Там же. – С. 204–209.
- ⁶⁹ Там же. – С. 206, прим. 21.
- ⁷⁰ **Alexander P. J.** The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. – Oxford, 1958. – P. 264.
- ⁷¹ Творения святих отцов в русском переводе. – Сергиев Посад, 1904. – Т. 65. – С. 138.
- ⁷² Там же. – С. 111–121.
- ⁷³ ГИМ. – Син. 91. – Л. 199 б–203 а.
- ⁷⁴ См. также по вопросу: **Е. М. Верещагин.** Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. – М., 2001. – С. 74.
- ⁷⁵ **Голубинский Е. Е.** История Русской Церкви. – Т. I, 1. – 2–е изд. – М., 1901. – С. 910, 655.
- ⁷⁶ **Болотов В. В.** Лекции по истории Древней Церкви. – IV. – Пг., 1918. – С. 562. – Прим. 1 (греч. текст).
- ⁷⁷ См. также по вопросу: **Е. М. Верещагин.** Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. – М., 2001. – С. 52–54, 76–77.